

Сяо Вэй после месяца адаптации окончательно устал от необходимости ежедневно терпеть скверный характер Великого наставника, а возвращаясь в гарем, выслушивать споры женщин, которых он терпеть не мог, о том, кого же из них император любит больше... Простите, я не люблю никого!

Впрочем, за всё приходится платить, и для домоседа его уровня это уже было достижением. Возможно, именно такое равнодушие и позволяло ему удерживаться на троне дольше положенного. Но, столкнувшись с адом, где вокруг одни лишь евнухи да женщины, Сяо Вэй решил развлечься.

Мужчины, имеющие доступ во дворец, — это стражники, придворные врачи да цензоры. Стражники отираются лишь во внешних дворах, во внутренние покои им путь заказан, да и все они — грубые вояки, а Сяо Вэй вовсе не собирался оказаться в роли того, кого подавляют. Вычеркиваем. Врачи? Он месяц притворялся больным, принял семерых лекарей, и все они оказались седовласыми старцами. К тому же, вечно симулировать недуг ради встреч — метод ненаучный. Вычеркиваем. Оставались только цензоры.

Сяо Вэй начал тянуть свои когтистые лапы к молоденькому цензору, который постоянно мелькал у него перед глазами. Понаблюдав несколько дней, он пришел к предварительному выводу: юношу зовут Цзи Е, ему всего двадцать, он только что достиг совершеннолетия — ох уж эта молодость! — черты лица тонкие, губы алые, зубы белые. Родители давно скончались, никто не помешает, жены нет — никаких проблем с любовницами. Всё было прекрасно, единственным изъяном являлся его характер: он был известным на всю округу сухарем.

В семье Цзи Е три поколения подряд служили цензорами. Поскольку профессия эта была крайне опасной, род держался на единственных сыновьях. Его отец три года назад насмерть разбился о колонну во Дворце Баохэ, пытаясь убедить покойного императора взяться за ум. Пожалуй, большинство их предков умирали не от старости, а именно так — расшибаясь о колонны в разных уголках дворца.

И это ничуть не преувеличение. Древние императоры испытывали огромное давление, особенно такой, как он — зажатый в тиски, лишенный реальной власти, способный выместить гнев лишь на слугах да евнухах. Конечно, первыми под удар попадали цензоры, которые то и дело перечили священной воле и оскорбляли драконий лик. В конце концов, мудрых правителей, подобных императору Тай-цзуну из династии Тан, было мало, и никто не вынесет, если кто-то каждый день зудит над ухом, указывая, что ты сделал не так. Но с сегодняшнего дня Сяо Вэй решил взять Тай-цзуна в пример и стать мудрым императором.

Причина проста: этот маленький цензор оказался довольно симпатичным. Глупая улыбка, влюбленность.

Когда Сяо Вэй взошел на престол, ему было всего пятнадцать — юный император. К тому же он намеренно пустил всё на самотек, так что Государство Великое Чу прочно оказалось под контролем Великого наставника Яо.

Так продолжалось, пока он не заметил, что маленький цензор, похоже, искренне желает, чтобы он стал императором с реальной властью. Что ж, наверное, жена всегда хочет, чтобы муж был лучшим. Раз жена просит, он постарается. Он знал, что жена многое затевает, и был рад спрятаться за ее спиной, наслаждаясь покоем. Достаточно было немного пофлиртовать, порой коснуться маленькой ладошки, приласкаться — такая жизнь была совсем неплоха.

Однако всё пошло не по плану.

— Ох... — Сяо Вэй проснулся в холодном поту, его драконий халат промок. Длинные волосы, отросшие до пояса, разметались по постели, в темноте ночи выглядя пугающе.

Сяо Вэй погладил шрам на груди. Он был коротким и неглубоким, но именно благодаря ему он не забыл его.

— А Цай, — позвал он в сторону входа.

Старый евнух, чьи виски давно поседели, но движения оставались ловкими, толкнул дверь и вошел, остановившись у подножия кровати:

— Ваше Величество, снова кошмары? Нужно ли позвать лекаря?

— Не надо. Завтра рано утром аудиенция. Не стоит будоражить весь дворец. Пойдем в темницу.

— Сяо Вэй накинул на плечи плащ. Он был утомлен, но не мог успокоиться.

Старик А Цай был при дворце давно, когда-то даже просился на покой, но император вернул его. Он знал, что у государя на сердце тайна, но не смел спрашивать. В этом дворце полно странностей, лучше просто знать свое место.

А Цай взял фонарь и пошел впереди. Это был не первый раз, когда император среди ночи отправлялся в темницу. Там держали лишь одного человека — бывшего личного слугу императора, Сяо Таоцзы. Он же был единственным выжившим из клана Яо — юный господин Яо Гуан.

Сяо Вэй отослал всех прочь, оставив в сумрачной темнице лишь себя и человека, подвешенного на железных оковах, который уже едва напоминал живое существо. Яо Гуан поднял голову, увидев императора. В его взгляде сквозила насмешка, но горло было обожжено, и он не мог произнести ни слова.

Сяо Вэй присел рядом, поправляя халат. Его голос, тихий и спокойный, звучал так, будто он просто предавался воспоминаниям:

— Пошел уже десятый год моего правления и шестой год с тех пор, как он ушел. Я думал, что никогда его не забуду, но как же смешно... Я начинаю забывать, как он выглядел. — Сяо Вэй смотрел на пляшущий огонек свечи, голос его дрогнул. — И не только я. Никто во дворце

больше не помнит его.

— Поделом... тебе! — выдавил Яо Гуан из разорванного горла, его глаза пылали ненавистью.

— Да, поделом мне! — Сяо Вэй уткнулся лицом в колени, обнимая себя за плечи. — Как я мог забыть его? Как?! Знаешь, я не тронул никого из тех, кто причинил ему боль, оставил только тебя. Лишь потому, что боюсь: если умрешь и ты, не проснусь ли я однажды, решив, что всё прошлое — лишь сон, и окончательно забуду его? — Он сжался в своем широком халате — нежно-лиловом, цвета, который был дорог ему, единственного цвета, приносившего покой.

— Я всё ему рассказал, с самого начала был честен, но он... он так и не сказал мне, кто он и откуда пришел. — В глазах Сяо Вэя блеснули слезы. — Я не виню его. Даже если бы он хотел обмануть меня или причинить вред, я бы принял это. Но почему он ушел? Я никогда не сомневался в нем. Эти бескрайние земли мне не нужны, я боролся за них только ради него. Но теперь, когда его нет, к чему мне эта империя?

— Я думал, император — это высшее существо, способное на всё. Но потом понял: нет. Он не полюбит бы меня только за то, что я император, даже если бы согласился склониться передо мной... — Сяо Вэй замялся, продолжая бормотать. Ему не нужны были слушатели, он просто выговаривал слова, запертые в глубине души, иначе сошел бы с ума. — Я оказался жалким императором, не смог защитить его, а теперь теряю даже последние воспоминания о нем.

Яо Гуан затих, словно уснул. В темнице остался лишь голос молодого правителя:

— В конце концов, он всё нес на себе, всё прятал, и сколько бы ни страдал, стоило ему взглянуть на меня, он улыбался. — Сяо Вэй вытер слезы. Он помнил, что А Е не любил, когда он плакал. — Я помню, он писал мне письмо, но потом я его потерял. Какой же я негодяй! Он знал обо мне всё: что я люблю холодную воду, не умею держать палочки, привередлив в еде и бываю не в духе по утрам... А я о нем — ничего. Без него эти дни тянутся бесконечно, каждый день — ад. Слова твоей сестры оказались пророческими. Любовь, разлука, невозможность обрести... В конце концов, я останусь в этом мире совсем один.

Пламя свечи в темнице дрогнуло. Яо Гуан, словно очнувшись от сна, увидел, как молодой император встает, чтобы уйти, и вдруг закричал:

— Ваше Величество!

Сяо Вэй, услышав звук, обернулся к прикованному человеку и, подойдя ближе, спросил:

— Ты помнишь Цзи Е?

Яо Гуан широко открыл глаза и растерянно покачал головой.

— А Сянжун-гунцзы из Хуаманью? — продолжал спрашивать Сяо Вэй.

Яо Гуан не понимал, зачем император спрашивает об этом. Он изо всех сил пытался вспомнить, но в голове была лишь пустота. Он снова беспомощно покачал головой.

— Ясно, — тихо отозвался Сяо Вэй и вдруг улыбнулся. Он подошел ближе: — Кажется, я могу тебя отпустить.

Яо Гуан не успел обрадоваться, на его губах лишь промелькнула тень облегчения, как в следующее мгновение выражение лица застыло. Острое лезвие перерезало горло, брызнула кровь. Сяо Вэй отступил на два шага, ни капли не запачкав одежды.

А Е не любил, когда он пачкался в крови. Когда-то он защищал его так бережно, но теперь и эти руки были в крови. Впрочем, неважно. Никто его не помнит — тоже не страшно. Люди в этом мире забывчивы, он и сам был здесь чужаком. Теперь, когда лишь он один помнит А Е, это даже неплохо.

Сяо Вэй усмехнулся, вытер лезвие и спрятал его в рукав. Этот нож он приготовил для себя.

Снаружи было холодно, он запахнул плащ. Сжимая в руке лезвие, он провел им по шраму на груди. Неглубокий, не смертельный, крови почти нет, но только так он может спокойно заснуть, не боясь, что, проснувшись, забудет того, кто важнее всего. Это единственное, что осталось у него от него — эти шрамы. Пусть останутся навсегда, чтобы прошлое не оказалось просто сном.

— Сожгите эту темницу, — приказал он и ушел, не оглядываясь. Он не хотел больше хранить этот уголок, где по ночам зализывал раны. Тот, кого он любил, навсегда остался в его сердце.

У него никогда не было великих амбиций. Сначала он просто хотел считать деньги, потом планировал жить в свое удовольствие, будучи марионеточным императором, но жена не позволила. Если он хотел быть царем, который не ходит на утренние аудиенции, то в итоге вынужден был вставать раньше петухов и ложиться позже свиней. Ничего не поделаешь, он подкаблучник, боится жены.

Больше не о чем говорить. Во сне он встретит жену, и она снова будет сердиться.

Император Чу Мин-хуан, правивший дольше всех в истории Великого Чу, скончался в возрасте девяноста одного года. Его правление, продлившееся семьдесят шесть лет, заложило основу процветания страны на века. Он так и не женился, и при погребении в его гробницу положили лишь фиолетовый халат чиновника третьего ранга.

Эта тайна императорского дома стала загадкой для потомков. Одни говорили, что Чу Мин-хуан был настолько усерден, что даже после смерти не забыл заветы предков и просил цензора всегда присматривать за ним. Другие верили, что император любил маленького цензора, но никто в будущем не узнал, что именно этот человек определил судьбу Великого Чу.

Это имя было погребено вместе с императором и навсегда кануло в Лету.

Глава 11. Учитель и ученик в мире бессмертных

Цзи Е очнулся от глубокого сна. Вокруг бушевало пламя, дым разъедал глаза, балки над головой угрожающе трещали.

Вот черт! Только переместился, даже времени на раздумья не было, как снова пора помирать?

Цзи Е попытался выбраться, но тело его не слушалось. Черт возьми! Пришлось звать к Системе. Обычно она не бросала в беде — в конце концов, новичку полагается хоть какая-то поддержка, если не неуязвимость, то хотя бы шанс выжить. Иначе все его задания сведутся к постоянной гибели.

— Система, объяснись! И побыстрее, я сейчас сгорю!

— Смерть исключена. Главное преимущество системы Перерождения золотого тела в том, что ты не умрешь до выполнения задания. Разумеется, после выполнения смерть обязательна.

— ...Нет никаких гайдов для новичков? Что вообще происходит в этом мире?

— Правила мира хост должен изучить сам, система лишь выдает задания. Подсказка: цель для захвата приближается.

Цзи Е огляделся и с ужасом обнаружил, что тело его стало совсем маленьким, лет десяти, и очень слабым. В одиночку ему не выбраться. В этот момент балка над головой рухнула прямо на его ноги. Боль была такой же, как тогда в темнице от раскаленного железа — тяжелая, жгучая, пронзительная.

— Ты же сказала, что я не умру?! — прорычал Цзи Е, сжимая зубы от ярости.

— Ты разве умер? — невозмутимо отозвалась Система.

Мне нечего было ответить...

Цзи Е приготовился выбираться самостоятельно, ползком, как вдруг увидел приближающийся небесно-голубой свет. Это был мужчина неземной красоты, ступающий по волнам, словно по земле, даже среди огня он был невозмутим и спокоен.

На нем был лазурный халат, простой, но изысканный, белые волосы струились за спиной, подчеркивая холодную красоту его лица. Он шел сквозь огонь, словно само спасение. Цзи Е засмотрелся лишь на миг, прежде чем Система выдала задание.

Как обычно, три пункта. Первое: занять второе место на Великом турнире бессмертных. Второе: предать свою сторону и стать первым боевым богом Мира Демонов. Третье: заставить Бессмертного Преподобного Байяня полюбить хоста.

Цзи Е молча закатил глаза. Что за задания? Первые два — ладно, но что это за раздел любовных историй в конце? И почему опять мужчина?! Он вдруг почувствовал, что кого-то ему не хватает... Кого? Он забыл имя, помнил лишь, что тот красиво улыбался, даже лица не помнил. Забудь. Лучше подумать, как выжить.

Мужчина опустил перед ним на корточки, посмотрел равнодушно и протянул руку:

— Пойдем со мной.

Цзи Е помедлил. В этот момент он перестал чувствовать тяжесть балки, весь мир сузился до этого человека. Цзи Е протянул свою маленькую ручку, вложил в его ладонь и безобидно улыбнулся.

Цзян Байянь едва заметно шевельнул пальцами — огонь расступился, балка рассыпалась серебристой пылью. Он сжал маленькую ладошку, и в сердце вдруг шевельнулась жалость. Сейчас Цзи Е еще ребенок, может, стоит подождать?

Воспоминания о предсмертной ярости главы секты, о том, как его самого пригвоздили к скале горы Хэнью, всё еще стояли перед глазами. Тогда его мягкосердечие привело к вторжению демонов, а виновником был не кто иной, как его любимый ученик — Цзи Е! Подумав об этом, Цзян Байянь перестал колебаться, крепче сжал детскую ладонь и с силой поднял его.

Цзи Е только что получил данные о цели. Цзян Байянь, старейшина дисциплины секты Хэнью, холодный и отстраненный, один из самых могущественных бессмертных. За всю жизнь он взял лишь двух учеников, и Цзи Е был его любимым учеником, закрывающим врата. Если бы всё было так просто, Цзи Е легко завоевал бы его расположение. Но сложность в том, что Цзян Байянь переродился, и в прошлой жизни был предан своим любимым учеником и пригвожден к скале Владыкой Мира Демонов.

Столь шокирующая предыстория повергла Цзи Е в отчаяние. Теперь ясно: Байянь спас его вовсе не из доброты, а ради мести. Путь предстоит тяжелый.

Цзян Байянь не стал лечить его ноги, просто подхватил на руки и молча вынес из огня. Ноги так и остались изувеченными.

На горе Хэнью зима круглый год, снега не тают. Без защиты Байяня, с покалеченными ногами,

Цзи Е пришлось несладко. Принеся его, Байянь бросил его на горе и забыл. Внешние ученики, видя, что Преподобный привел ребенка, поначалу льстили ему, надеясь, что тот станет его учеником. Но, заметив, что Байянь не обращает на него внимания, осмелели и начали издеваться.

Цзи Е, не имея ухода, быстро исхудал. Пухлый ребенок за полмесяца превратился в скелет. Ученики сначала заставляли его работать, но теперь, когда он не мог встать с кровати, оставили его умирать.

Цзи Е считал дни. С того дня, как он встретил цель, он больше не видел Байяня. Так продолжаться не может. Раз он не приходит, придется искать его самому.

Цзи Е с трудом сполз с кровати, опираясь на руки. Сегодня старший брат должен был осматривать внешний двор — единственный шанс. Старший брат — это Дун Ли, первый ученик Байяня, гордость молодого поколения секты Хэнъю. Он был мягким человеком, всегда заботился об учениках, и все в секте его обожали.

Выбравшись наружу, Цзи Е почувствовал пронизывающий холод. Снег падал с неба, он полз через порог, дрожа от ветра. Мучила жажда, и он, не обращая внимания на грязь, стал глотать пригоршни снега. Снег таял во рту, но вкус был отвратительным, рот онемел. Он закашлялся, чувствуя привкус крови. Собравшись с силами, он хотел ползти дальше, как вдруг услышал участливый голос над головой:

— Ты в порядке?

Цзи Е поднял голову. Перед ним стоял Дун Ли. Белый халат, черные волосы собраны, сапоги не оставляли следов на снегу. Но на его мягком лице не было выражения, он лишь слегка хмурился, словно размышляя, почему на горе Хэнъю оказался такой несчастный человек.

Цзи Е покачал головой и улыбнулся. Этот старший брат был довольно наивным, любил всё милое, и когда Байянь привел его впервые, тот был в восторге.

Цзян Байянь, скрывавшийся под обликом своего старшего ученика, хмурился. С тех пор как он привел Цзи Е, он каждый день наблюдал за ним в зеркало. Цзи Е не проявлял никаких признаков заговора, даже когда его травили до смерти, он продолжал улыбаться. Почему? Может, он был слишком предвзят? Может, у предательства Цзи Е была причина? В конце концов, он не выдержал и пришел посмотреть.

Цзи Е не знал, что перед ним сам Байянь, поэтому решил использовать свою тактику — мило улыбнуться:

— Старший брат Дун, ты помнишь меня?